

Я воду ношу

Я воду ношу, раздвигая сугробы.
Мне воду носить всё трудней и трудней.
Но, как бы ни стало и ни было что бы,
Я буду носить её милой моей.
Река холоднее небесного одра.
Я прорубь рублю от зари до зари.
Бери, моя радость, хрустальные вёдра,
Хрусти леденцами, стирай и вари.
Уйду от сугроба, дойду до сугроба,
Три раза позволю себе покурить.
Я воду ношу — до порога, до гроба,
А дальше не знаю, кто будет носить.

А дальше — вот в том-то и смертная мука,
Увижу ли, как ты одна в январе
Стоишь над рекой, как любовь и разлука,
Забыв, что вода замерзает в ведре...
Но это еще не теперь, и дорога
Протоптана мною в снегу и во мгле...
И смотрит Господь удивленно и строго
И знает, зачем я живу на Земле.

Курочка Ряба

Старик и старуха у печки сидят,
И тихо о жизни они говорят.
— Земля погибает от крови и зла...
— А курочка Ряба яичко снесла...
— Река обмелела, и лодка сгнила...
— А курочка Ряба яичко снесла...
— Твой сын куролесит похлеще козла...
— А курочка Ряба яичко снесла...
— Обрушится небо, и Бог упадёт...
— А курочка Ряба яичко снесёт...
— Да где же снесёт, коли лопнет земля?
— Найдёт, где снести, поперечная тля!
Снесёт под сиренью и возле крыльца...
— Так что же, старуха, не будет конца?
— Не знаю, не знаю... Но ты помолчи...
И молча сидят у горячей печи.
Сидят и молчат под скорлупкой яйца,
И нет нам начала, и нет нам конца.

* * *

Скучно скитаться по датам,
Позднюю славу блюсти...
Есть куда тучам податься,
Некуда небу пойти.
Лошадь по улице скачет,
Девочка машет рукой.
Но не смеётся, не плачет
Домик над черной Окой.
Скоро запечье остынет,
Тени в ночи загалдят,

Пол превратится в пустыню,
Стены листвою зашумят.
Выйдет луна из тумана,
Даль на пороге зевнёт.
Спросит прохожая дама:
— Кто в этом доме живёт?
Скажет река на закате:
— Глупая птица! Лети!
Небо лежит на кровати,
Некуда небу пойти!

Родине

Я ступаю по тонкому льду
Над твоею холодной водою.
Только чувствую — эту беду

Не утянешь на дно за собою.
Впереди — беспросветная ночь,
За спиною — полоска разлада.

Дорогая, хорошая! Прочь!
Ничего от тебя мне не надо!
Я прощаюсь с твоей красотой,
С незадачей твоей избяною...
Я не знаю, что стало с тобой,
Ты не знаешь, что будет со мною.
Не жалеи, не зови, не кричи.
Никуда возвращаться не надо.
В тихом омуте стыннут ключи

От небесного рая и ада.
Мне теперь что назад, что вперед,
Спотыкаться, скользить и кружиться...
Но на веру твою, как на лёд,
Я уже не могу положиться.
Оглянусь — ты стоишь у плетня,
Ожидая, что все-таки струшу...
И жалеешь, и любишь меня,
Как свою уходящую душу.

* * *

Мне нравится лунная сырость,
Что дождик строчит и поёт,
Как будто одежду на вырост
Мне мама на кухонке шьёт.
Высокая топится печка,
Беспечен и молод отец,
И тихо стоит на крылечке
Неведомый день-реченец.

А дождик всё тише и тише,
У бабушки слёзы текут...
И я уже знаю, что Мишей
Сегодня меня назовут.
Я плачу: мне некуда деться.
Куда ни помотришь — родня.
И смерть из отцовского сердца
С восторгом глядит на меня.

* * *

Наклонилась вишенка.
Смотрит и сопит.
Михаил Анищенко
Спит себе и спит.
День уже кончается.
Сына ищет мать.
А над ним качается
Божья благодать.
И звучит над кручами
Голос неземной:

«Это сын мой мученик,
Пьяный и босой».
И заходит солнышко
За гнилой умёт.
И всё так же матушка
Сына не найдёт.
Даром эта лишенка
Бродит по Руси.
Михаил Анищенко,
Господи, спаси...

* * *

Мне чужды все — и друг и враг.
Простыл во тьме мой ранний след.
И в двадцать лет вместились сорок
Ещё не прожитых мной лет.
Бормочет дождик: «Бездарь! бездарь!»
И я шепчу: «Молчи! молчи!»
И словно камушек над бездной,
Боюсь закашляться в ночи.
Я, как пожар: горю в незримом,
Но каждый раз, с приходом дня,

Боюсь, что скоро стану дымом,
Одним лишь дымом без огня.
Мне нет пути. Мой путь заказан:
Не знаю — как, не знаю — кем...
Но для короткого рассказа
Мне хватит жизни между тем.
Взгляну назад — дымится детство.
Зола — и больше ничего.
Всё остальное — только бегство
От дня рожденья своего.

* * *

Русь моя! Туман, поверья,
Пыль таинственных времён!
Как преступник к высшей мере,
Я к тебе приговорен.
К шуму сосен, к скрипу ставен,
К зову птиц издалека,
И к твоим тропинкам тайным,
Проходящим сквозь века.
Пусть порою путь без веры
Выпадает мне во мгле...

От всевышней смертной меры
Нет спасенья на земле.
Принимаю шум ненастья,
Свет звезды и крик ворон...
К наивысшей мере счастья
Я судом приговорён.
Мир вам, рощи да излуки,
Шелест, шёпот... Камыши...
Навсегда. До смертной муки.
До бессмертия души!

* * *

День Победы. Смертная тоска.
Как вагон, Россию отцепили...
Подменили даты и войска,
И героев павших подменили.
Мир спасён. Америке — виват!
Для России — водка и корыто.
Что ты плачешь, маленький солдат,
За проклятым Одером зарытый?
Возрождайся, память, из обид
Под сияньем воинского флага!

Что Париж, Варшава и Мадрид,
Что весь мир без взятия Рейхстага?
Русский дом измазали смолой,
Оплели лукавыми словами.
Встань, солдат, над пеплом и золой,
Посмотри в утраченное нами.
Там, вдали, где праведники лбом
Бьются в пол святого каземата,
Спит Земля в сиянье голубом
Под пилоткой русского солдата.

* * *

Пройти бы мимо, мимо, мимо,
Не оглянуться и тогда,
Когда вдруг станет нестерпимо
Дышать от боли и стыда.
Пройти спокойно, не моргая.
Забить, как в дрёме декабря

Ты за спиной стоишь нагая,
Такой, как предал я тебя.
Закрывать глаза, назад не глянуть,
Потом по городу кружить...
И задушить в подъезде память,
Чтоб как-нибудь и дальше жить.

* * *

Не напрасно дорога по свету металась,
Неразгаданной тайною душу маня...
Ни врагов, ни друзей на земле не осталось...
Ничего! никого! — кто бы вспомнил меня!
Я пытался хвататься за тень и за отзвук,
Я прошел этот мир от креста до гурта...
В беспросветных людей я входил, словно воздух,
И назад вырывался, как пар изо рта.
Переполненный зал... Приближенье развязки...
Запах клея, бумаги и хохот гвоздей...
Никого на земле! Только слепки и маски,
Только точные копии с мёртвых людей.

Только горькая суть рокового подлога
И безумная вера — от мира сего.
Подменили мне Русь, подменили мне Бога,
Подменили мне мать и меня самого.
Никого на земле... Лишь одни квартирьеры...
Только чуткая дрожь бесконечных сетей...
И глядят на меня из огня староверы,
Прижимая к груди не рождённых детей.

* * *

Стучит по дороге слепой посошок,
Зима, как дыхание ада.
Как больно и грустно, что я пастушок
Большого заблудшего стада.
Грехи и сомнения бродят во мгле,
Витают не дух, а потреба.
И нас прижимает к холодной земле
Высокая ненависть неба.
Заблудшие овцы... Так будет всегда.
Ведь нет и надежды на чудо.
Ещё мы не знаем, что вспыхнет звезда,
И горько заплачет Иуда.
Он в детской кроватке проплачет всю ночь.
Он будет зверёнью биться.
А тот, кто сумеет простить и помочь,
Ещё только завтра родится.
И я поднимаю заблудших овец.
Мне большего в жизни не надо.
Куда мне вести это стадо, Отец,
Куда мне вести это стадо?

* * *

А ещё золотое колечко — носи!

В. Боков

Вот избушка.
Лес да кукушка.
Хлам наворочен
Возле обочин.
Ну а если на небе луна,
Падают звёзды
Справа и слева,
Появляется тут же она,
Королева.
Она дует в пастушью дудку,
Открывает собачью будку.
Улыбается мне: «Вассал,

Что ты нового написал?»
А потом говорит: «Да, да,
Снова та же с тобой беда».
И даёт мне ошейник — носи.
Так положено на Руси.

* * *

Я разговор о Боге не веду,
Но, господа, скажите мне на милость:
От грешников, сгорающих в аду,
Кому из вас теплее становилось?
Я выйду вон, напьюсь и упаду,
Но я не Бог, и я не стану злее.
От грешников, сгорающих в аду,
Мне никогда не делалось теплее.

* * *

Хотя б напоследок — у гроба,
Над вечным посевом костей,
Подняться на цыпочки, чтобы
Стать выше проклятых страстей.
Подняться туда, где и должно
Всю жизнь находиться душе.
Но это уже невозможно,
Почти невозможно уже.

* * *

Опускай меня в землю, товарищ,
Заноси над бессмертием лом.
Словно искорка русских пожарниц,
Я лечу над сгоревшим селом.
Вот и кончились думы о хлебе,
О добре и немереном зле...
Дым отчества сладок на небе,
Но дышать не даёт на земле.